DOI 10.15826/qr.2024.4.945
CC BY
УДК 929Петр(470)*I + 94(470)"16" + 321.61 + 342.36 + 2–475 + 929Прокопович + 34.01 + 930.2. + 930.1

Абсолютная монархия и польза: Феофан Прокопович и Готлиб Самуэль Трейер*

Михаил Киселев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Absolute Monarchy and Usefulness: Feofan Prokopovich and Gottlieb Samuel Treuer**

Mikhail Kiselev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines *The Justice of the Monarch's Will* (1722) by Feofan Prokopovich (1681–1736) as a political work of a transitional period. It combines innovative reasoning about monarchy based on natural law with arguments about God-given authority based on references to the Bible and theological texts. This makes it a political work of great significance for understanding the evolution of Russian political culture in the early eighteenth century. In accordance with the findings of S. V. Polskoi and E. Sashalmi, the pivotal ideological source of *The Justice* was the handwritten translation of the work of the German lawyer G. S. Treuer (1683–1743), *Untersuchung nach dem Recht der Natur* (*An Inquiry according to Law of Nature*), published in 1718, and this rationalistic argumentation was predominant in Feofan Prokopovich's treatise. It is demonstrated that the manuscript of the translation was received by the Academy of Sciences only in 1742, and there is no evidence to support the assertion that it belonged to the library of Peter the Great. A comparative analysis of *An Inquiry* and *The Justice*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея "общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)» (https://rscf.ru/project/22-18-00488/).

** *Citation*: Kiselev, M. (2024). Absolute Monarchy and Usefulness: Feofan Prokopovich and Gottlieb Samuel Treuer. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 4. P. 1447–1461. DOI 10.15826/qr.2024.4.945.

Цитирование: *Kiselev M.* Absolute Monarchy and Usefulness: Feofan Prokopovich and Gottlieb Samuel Treuer // Quaestio Rossica. 2024. Vol. 12, № 4. P. 1447–1461. DOI 10.15826/qr.2024.4.945 / *Киселев М.* Абсолютная монархия и польза: Феофан Прокопович и Готлиб Самуэль Трейер // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 4. С. 1447–1461. DOI 10.15826/qr.2024.4.945.

© Киселев М., 2024

shows that Treuer and Feofan Prokopovich had serious conceptual differences. According to Treuer, the emergence of absolute monarchy was associated with the low qualities of the subjects or their degradation, in connection with which the people ceased to be as an actor for him. In the view of Feofan Prokopovich, the advent of absolute monarchy was the result of a contract between the monarch and the people, who were motivated by self-interest and retained their agency even after the agreement. Nevertheless, it became evident that this subjectivity was constrained by the will of God, which was perceived as the authority of the monarch. In this section, the perspective of *The Justice* aligns closely with that of Ivan IV the Terrible, rather than with the ideas of European lawyers. This resulted in the establishment of a super-absolutist monarchy, in which theology held a primary position. It is probable that, because of this, the argumentation of *The Justice* did not undergo further development in post-Petrine Russia, where secular argumentation was given precedence.

Keywords: Peter I, Feofan Prokopovich, natural law, common good, history of concepts

Статья посвящена «Правде воли монаршей» (1722) Феофана Прокоповича (1681–1736) как политическому сочинению переходного времени, где совмещались новаторские для российской политической культуры первой четверти XVIII в. рассуждения о монархии, опиравшиеся на естественное право, с доводами о богоданности власти, основанными на ссылках на Священное Писание и богословские тексты. В рамках этой проблемы разбираются утверждения С. В. Польского и Э. Шашхалми о том, что ключевым идейным источником «Правды воли монаршей» был перевод сочинения немецкого юриста Г. С. Трейера (1683–1743) «Untersuchung nach dem Recht der Natur» (1718) и что в трактате Феофана Прокоповича преобладала рационалистическая аргументация. Отмечено, что рукопись перевода поступила в Академию наук только в 1742 г. и нет оснований для отнесения ее к библиотеке Петра I. Сравнительный анализ трактатов Трейера и Феофана Прокоповича показывает, что у них были серьезные концептуальные расхождения. По Трейеру, возникновение абсолютной монархии было связано с низменными качествами подданных или их деградацией, в связи с чем народ у него переставал фигурировать как субъект. По Феофану Прокоповичу, абсолютная монархия возникла в результате договора монарха с народом, который руководствовался своей пользой и сохранял субъектность и после договора. Однако при этом в «Правде» эта субъектность оказывалась ограниченной волей Бога, распорядителем которой оказывался монарх. В этой части «Правда» была близка скорее к сочинениям Ивана IV Грозного, а не к трактатам европейских юристов. Как результат, в ней обосновывалась суперабсолютистская монархия, в чем богословию принадлежало первенствующее место. Скорее всего, из-за этого аргументация «Правды» не получила дальнейшего развития в постпетровской России, где приоритет отдавали секулярной аргументации.

Ключевые слова: Петр I, Феофан Прокопович, естественное право, общее благо, история понятий

«Правда воли монаршей» 1722 г. (далее – «Правда»), автором которой считается епископ Псковский Феофан Прокопович, является одним из ключевых политических текстов петровского времени. В трактате, изданном в качестве официального объяснения Устава о престолонаследии от 5 февраля 1722 г., были совмещены новаторские для российской политической культуры того времени рассуждения о монархии, опиравшиеся на естественное право, с рассуждениями о богоданности власти, основанные на ссылках на Священное Писание и богословские тексты. Это было в полной мере политическое сочинение переходного времени, в нем секулярные суждения о власти, заимствованные в ходе европеизации, переплетались с политическим богословием в духе Московского царства. В связи с этим исследователи «Правды» пытаются установить ее европейские источники и понять значение и соотношение в ней секулярных и богословских аргументов.

Классическое исследование о влиянии естественного права на «Правду» опубликовал в 1915 г. Г. Д. Гурвич. Ключевое влияние на трактат, писал он, оказали сочинения теоретиков естественного права Г. Гроция, С. Пуфендорфа и И. Буддея, а ее автор «в значительной степени основывает свое учение на доводах “естественного разума”», и «центр тяжести всего трактата лежит в рационалистических доказательствах» [Гурвич, с. 37, 109–111]. В целом выводы Гурвича о влиянии Гроция, Пуфендорфа и Буддея на «Правду» не подвергались значимому пересмотру. Ряд исследователей поддержал его идеи и о превалировании в «Правде» рационалистических доказательств. Однако В. М. Ничик в 1978 г. пришла к выводу, что в «Правде» «каждое утверждение выводилось и из Библии, и из естественного разума. <…> “Правда воли монаршей” и другие сочинения Прокоповича были написаны для убеждения широкого круга читателей, сознание которых было религиозным» [Ничик, с. 225–226]. Итак, данный вопрос остается дискуссионным.

В статье 2018 г. С. В. Польской обратил внимание на рукопись, озаглавленную «Истязание по натуральной правде, сколь далеко обладательская власть распростираетца первородного своего принца от наследия державствования выключать» (далее – «Истязание»). Он указал, что это был перевод книги «Untersuchung nach dem Recht der Natur, wie weit ein Fürst Macht habe, seinen erstgebohrnen Printzen von der Nachfolge in der Regierung auszuschliessen», напечатанной анонимно немецким юристом Г. С. Трейером в 1718 г. Разбирая историю перевода и сравнивая его содержание с «Правдой», Польской пришел к выводу, что «Истязание» было едва ли не ключевым идейным источником «Правды» и что в последней преобладала рационалистическая аргументация [Польской, с. 419]. Эти наблюдения получили поддержку в книге венгерского историка Э. Шашхалми 2022 г., посвященной российским представлениям о власти раннего Нового времени [Sashalmi, p. 373, 426]. Правда, Шашхалми не обращался непосредственно к рукописи перевода Трейера.

На первый взгляд, произошел важный сдвиг в изучении «Правды», так как найден новый ее источник, а также усилена аргументация Г. Д. Гурвича о преобладании «рационалистических доказательств» в трактате. Однако при внимательном прочтении статьи Польского видно, что он не приводит факта непосредственного цитирования перевода трактата Трейера в «Правде», а история рукописи излагается скорее с опорой на допущения и предположения, нежели на твердо установленные факты. В связи с этим возникает необходимость дополнительного обращения к рукописи «Истязания» и ее дальнейшего сравнения с «Правдой», дабы можно было подтвердить или опровергнуть смелые выводы историка.

В 1880 г. П. О. Морозов отметил, что в «публичной библиотеке в С.-Петербурге» хранится немецкое издание Г. С. Трейера 1718 г. «на ту же тему», что и «Правда». Не вдаваясь в разбор аргументации Трейера, он констатировал, что «при всем сходстве темы и содержания в “Исследовании” Трейера и в “Правде воли монаршей” немецкая книжка, вероятно, не была известна Феофану. Заключаем так, во-первых, потому, что Феофан не знал по-немецки, а, во-вторых, потому, что он, придавая особую цену свидетельствам иностранцев, не преминул бы упомянуть об этой книжке, если бы она была у него в руках» [Морозов, с. 304–305].

Однако существовал рукописный перевод этой «книжки». В 1956 г. при описании книг Петра I сотрудниками Библиотеки Академии наук (БАН) было зафиксировано: «Рукопись под названием “Истязание по натуральной правде…” связана своим содержанием с делом лишения прав престолонаследия царевича Алексея», – после чего указывалось на наличие печатного экземпляра этого сочинения на немецком 1718 г. в Публичной библиотеке. При этом отмечалось, «что Петр I, желая оправдать свой образ действий по отношению к сыну, поручал русским послам и агентам распространять за границей документы, которыми бы доказывалась справедливость его поступков». Тогда же констатировалось, что после смерти Петра его книжное собрание было разделено. Одни книги передали в БАН, где они не составили отдельного собрания и были влиты в академическое книжное собрание. Другие книги оказались в Петровском музее при Кунсткамере. Они затем в основном войдут в так называемое Собрание Петровской галереи. Последнее в 1932 г. передали в БАН, где после 1945 г. началась работа по воссозданию книжного собрания Петра с опорой прежде всего на реестры его книг, составлявшиеся как до, так и вскоре после его смерти. В рамках этой работы рукопись «Истязания», хранившаяся не в Собрании Петровской галереи, а в академическом книжном собрании, была отнесена к петровским книгам. Такому решению не было дано обоснования. В реестрах книг Петра эта рукопись не значилась [см.: Исторический очерк, с. 12–19, 100, 215]. Скорее всего, ее отнесли к библиотеке Петра исходя из содержания.

В 2003 г. сотрудница БАН И. Н. Лебедева, подводя итог своей многолетней работы, опубликовала описание рукописных книг из библиотеки Петра I, где написала об «Истязании»: «К библиотеке Петра I отношения не имеет, ибо поступила в 1740-х гг. после ареста графа А. И. Остермана из его библиотеки». Рукопись была датирована 1720-ми гг. [Библиотека, с. 206]. Однако С. В. Польской утверждает, что перевод Трейера сохранился «в составе “Библиотеки Петра I”». По его мнению, «“Истязание” было отнесено к книгам петровской библиотеки еще в 1740-х годах. В этом не сомневались составители “Исторического очерка и обзора фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук”» 1956 г. [Польской, с. 416].

Обратимся к источникам. Работавший при БАН А. И. Богданов 1 июня 1742 г. был направлен «в комиссию разобрания писем Остермана и прочих», где ему было «велено принять отобранныя во оной комиссии в академию наук письма и книги печатные и рукописьменныя на разных языках». Уже 18 июня унтер-библиотекарю И. И. Тауберту направили предписание принять от Богданова взятые им книги и письма. Их следовало «записать в обыкновенный каталог» и, «запечатав академическим клеймом, поставить в надлежащия места». Среди книг на первом месте и была записана интересующая нас рукопись: «Истязание по натуральной правде, сколь далеко обладательная власть простирается первороднаго своего принца от наследия державствования выключить. Писменная, рус.» [Материалы, с. 253–254, 259]. Итак, рукопись поступила в Академию наук только в 1742 г., и ее следовало записать в «обыкновенный каталог», а не отнести к неким «книгам петровской библиотеки».

При этом источники не позволяют точно определить, из чьей именно библиотеки эта рукопись поступила. В упоминаемой комиссии разбирали пожитки не только Остермана, но и иных арестованных вельмож – М. Г. Головкина, М. Л. Менгдена и Б. Х. Миниха. Можно предположить, что «Истязание» до попадания в БАН принадлежало Головкину, который как раз интересовался в начале 1740-х гг. проблемой престолонаследия.

В датировке может помочь палеографический анализ. Согласно С. В. Польскому, рукопись «написана на бумаге 1710-х годов» и «может быть датирована концом 1710-х» [Польской, с. 417]. Из описания Е. Кузнецовой, составленного с опорой на тот же каталог филиграней, которым пользовался Польской, выясняется, что для филиграней рукописи «сходного изображения не найдено». Таким образом, Польской нашел не идентичную и четко датированную филигрань, а только одну из наиболее близких. Однако наиболее близки, согласно Кузнецовой, не одна, а три филиграни – 1710, 1716 и 1720 гг. [Кузнецова], так что с опорой на эту информацию рукопись можно примерно датировать лишь 1720-ми гг., как это и сделала И. Н. Лебедева. С учетом возможной лежалости бумаги рукопись могла быть изготовлена, например, в 1723 г., то есть после публикации «Правды».

Итак, филиграни не позволяют однозначно утверждать, что рукопись «Истязания» появилась до 1722 г., хотя и не исключают этого.

С. В. Польской пишет, что «в книге сохранилась правка карандашом, возможно (sic! – *М. К.*), сделанная рукой Петра» [Польской, с. 417]. Действительно, в рукописи есть ряд правок серым карандашом. Например, над словом «ориенталских» надписано «восточных», над «о сукцесионе» – «наследстве», над «специалные» – «особливые» [НИОР БАН. П I Б № 88 (17.15.9). Л. 9, 25 об.]. На основании неоднократного знакомства de visu с рукописью мы можем утверждать, что эти правки нельзя атрибутировать Петру: они читаются без какого-либо труда и не похожи на то, что он писал своей рукой, что объясняет, почему об этих исправлениях ничего не было написано в изданных описаниях петровских книг. О них молчит первое описание данной рукописи, опубликованное в «Историческом очерке и обзоре фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» 1956 г., где специально отмечали книги, «на листах которых сохранились записи Петра I» [Исторический очерк, с. 58, 411]. Не пишет о них и И. Н. Лебедева [Библиотека, с. 206]. Почерк Петра едва ли можно спутать с другим, так что специалисты, включая автора настоящих строк, будь там записи петровской рукой, обратили бы на них внимание. Точно установленные факты не позволяют утверждать, что Петр I держал в руках перевод Трейера, а предположения С. В. Польского об истории рукописи при должной проверке (ее отнесение уже в 1740-х гг. к «книгам петровской библиотеки», наличие в ней исправлений рукою Петра) оказываются неверными.

Начиная свои рассуждения о влиянии Трейера, С. В. Польской пишет, что, «видимо (sic! – *М. К.*), к началу 1720-х русский перевод “Истязания…” лег на стол Петра I». Далее он утверждает, что «эта маленькая книжечка повлекла за собой значительные последствия», и без каких-либо оговорок описывает, как Петр читал ее: «Петра не случайно привлекла книга Трейера. <…> Читая данный пассаж (у Трейера. – *М. К.*), Петр понял, кого имеет в виду немецкий профессор» [Польской, с. 415–416]. Похоже, историк решил, что перевод «Истязания» оказал влияние на «Правду», но он учитывал только то, что можно использовать в поддержку данной гипотезы, не рассматривая альтернатив и забывая про сделанные им же оговорки. В соответствии с таким подходом Польской подошел и к проблеме содержательного влияния «Истязания» на «Правду».

С. В. Польской прежде всего заявил: «Вопрос, сформулированный Трейером в заголовке диссертации, стал ключевым вопросом “Правды воли монаршей”». Вопрос Трейера выглядел так: «Сколь далеко обладательская власть распростираеца первородного своего принца от наследия державствования выключать». Что до «Правды», то, согласно Польскому, в ней ключевой вопрос звучал так: «Не противно ли сущей правде, да первородный Самодержца некоего сын, аще бы и неугоден был к толь высокому правительству, не наследит

родителскаго Скипетра?» [Польской, с. 420]. Эта цитата показательно завершается знаком вопроса. Только в оригинале такого знака после «Скипетра» не было, а предложение было в два раза длиннее. В этом фрагменте «Правды» велась речь о сомневающихся «недоумения ради своего, или и от злобных прекословников». Сомнения звучали так:

> Не противно ли се сущей правде, да первородный Самодержца некоего сын, аще бы и неугоден был к толь высокому правителству, не наследит родителскаго Скипетра, а другий менший его брат или и от инаго рода некий искусный и добродетелный и добре царствовати могущий, определением Самодержца наследие на престол его получит [Правда, с. 2].

Если обрезать цитату на слове «Скипетра», то может сложиться ощущение, что здесь прослеживается влияние Трейера. Если привести цитату полностью, то будет понятно, что данный вопрос «Правды» нельзя вывести из «Истязания». Как следует из полной цитаты, вопрос-сомнение был сформулирован, во-первых, под воздействием манифеста от 3 февраля 1718 г., которым царевич Алексей лишался права на престол, «хотя б ни единой персоны нашей фамилии (Петра I. – *М. К.*) по нас не осталось», а наследником назначался его младший брат Петр Петрович [Воскресенский, с. 168–169]. В целом же этот манифест задавал общую логику и для трактата Трейера, и для «Правды», так как в нем шла речь про власть Петра и как отца, и как монарха. Во-вторых, это было следствием воздействия Устава о престолонаследии от 5 февраля 1722 г., по которому государь мог определить наследство любому, даже необязательно родственнику. Итак, в «Правде» звучали сомнения в связи с ситуацией, созданной двумя конкретными законодательными актами Петра. Совпадение с Трейером у «Правды» объясняется общим источником – манифестом от 3 февраля 1718 г., где как раз велась речь об отстранении именно первородного сына. Только вот к изданию «Правды» ситуация из-за смерти Петра Петровича в 1719 г. изменилась, что повлекло изменение формулировки задаваемого вопроса, где появился не только младший брат, а и человек «от инаго рода». Соответственно, если Трейер в заголовке обозначил проблему отстранения именно «первородного принца», то в «Правде» в заголовке была обозначена более общая проблема определения «наследника державы».

К 1722 г. публикация книги, обосновывавшей действия Петра I, не была новацией. Еще до появления «Истязания» было напечатано «Разсуждение» (1717), объяснявшее необходимость участия России в Северной войне. Его основным автором был П. П. Шафиров. Кроме того, согласно новейшим наблюдениям А. А. Рогожина, в его написании принял участие и Феофан Прокопович. Редактором книги был Петр, поместивший туда несколько своих суждений. В них признавалось, что из-за тягот, вызванных войной, многие недовольны, «одни для незнания, другие по прелестным словам ненавистников», а третьи – «понеже тунеядцы». «Разсуждение» Петр предназначил

для негодующих по незнанию. «Правда», согласно предисловию, написанному, возможно, Петром, предназначалась опять же незнающим («невежливым»), чтобы их «от вреднаго… блазнословия сохранить», что будут распространять «упрямые прекословцы». Также в письме от 10 мая 1720 г. Феофан Прокопович сообщал, что пишет книгу о патриаршестве «для защиты учреждаемой коллегии (Синода. – *М. К.*), чтобы она не показалась чем нибудь новым и необычным, как конечно будут утверждать люди невежественные и злонамеренные» [Письма Феофана Прокоповича, с. 292]. Нет необходимости полагать, как это делает С. В. Польской, что именно «Истязание» Трейера «заставило задуматься о необходимости самого по себе печатного обоснования готовившегося Петрова Устава о наследии престола» [Польской, с. 421].

Для понимания логики рассуждений о власти правителя в «Истязании» и «Правде» необходимо рассмотреть их классификацию форм правления. По Трейеру, существовали государства, где власть *монарха* была ограничена *фундаментальными законами*, и *деспотскими и абсолютными государствами*, где таких законов не было. Такие *государства* появились потому, что «народы о таких вольностях либо никакого попечения не имели или в те времяна, когда обладателю державствование соизволили, в таком состоянии были, что и говорить не дерзали, иншие народы суть невольного смысла». Кроме того, *деспотское державствование* могло установиться в результате деградации *республики*, как это произошло в Риме при Калигуле [НИОР БАН. П I Б № 88 (17.15.9). Л. 15 об. –16 об.].

В «Правде» утверждалось, что «не един во всем мире образ есть высочайшего правителства» и что есть *демократия*, *аристократия* и «Монархиа, то есть Самодержавство», где «вся держава в руках единаго лица держится». Также отмечалось, что есть смешанные формы правления, «которые с сих же троих или двоих, аки бы смешенный состав свой имеют». Что до *монархии*, то, согласно «Правде», существовали 1) *совершенные* (абсолютные) *наследные монархии*, 2) *избирательные монархии*, 3) монархии, где власть монарха была ограничена фундаментальными законами и которые не могли называться «прямыми», то есть *настоящими монархиями*, 4) монархии, в которых наследование заранее определено по «снисходящей линии» и которые не были ни *наследными*, ни *избирательными*. *Наследная монархия*, на которой сосредоточил основное внимание автор «Правды», появилась так:

> Была к первому Монарху воля народная, аще не словом, но делом изъявленная. Согласно вси хощем, да ты *к общей нашей пользе* (здесь и далее курсив наш. – *М. К.*), владееши над нами вечно… да по тебе, ты же сам впредь да оставляеши нам наследнаго владетеля; мы же единожды воли нашеи совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будем, но как тебе, так и наследником твоим по тебе повиноватися клятвенным обещанием одолжаемся и наших по нас наследников тымжде долженством обязуем [Правда, с. 28–33].

Итак, логика классификации форм правления «Правды» не совпадает с трейеровской. И Трейер, и «Правда» пишут об абсолютном монархе. Однако у Трейера он получает свою абсолютную власть не в результате договора: подчинившийся народ не мог выдвигать какие-либо условия властителю («говорить не дерзали», «без всякого кондициона положили»). В «Правде» абсолютный монарх получает власть в результате договора с народом. Последний же осмысленно выбирал абсолютную монархию во имя своей пользы. Это согласовывалось с тезисом Г. Гроция, которого «Правда» именовала «славным законоучителем», из трактата «О праве войны и мира», который «Правда» называла «премудрым разсужением» [Правда, с. 8], говоря, что «государство же есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [Гроций, с. 74]. С учетом того, что Гроций прямо упоминался и цитировался в «Правде», следует предположить, что на нее оказал влияние в этом отношении именно он, а не Трейер.

Феофан Прокопович дополнил картину договорного учреждения формы правления государства богословским суждением: «Ведати же подобает, что народная воля… бывает не без собственнаго смотрения Божия… но Божиим мановением движима действует, понеже ясно учит Священное писание… что несть власть аще не от Бога (Рим. 13 : 1. – *М. К.*). И того ради вся долженства, как подданных к Государю своему, так и Государя *к добру общему подданных своих*, не от единой воли народной, но и от воли Божией происходят» [Правда, с. 30]. С одной стороны, *народ* учреждал своей волей наследственную монархию ради своей же – *общей* – пользы. С другой, в случае с учреждением формы правления народная воля действовала не сама по себе, независимо, а будучи направлена волей Божественной. Это было важным элементом, отсутствующим как у Гроция, так и у Трейера.

В рамках договорной теории возникал вопрос: что мешает народу пересмотреть свою волю, если ему не понравился правящий монарх? И если народу не понравилась *наследная монархия* как форма правления, может ли он ее ликвидировать своей волей? Трейер ничего не писал об этом, ведь *абсолютная монархия* возникла не по договору, а ее подданные были пассивными объектами, не способными на какие-либо действия. Вместо этого он отмечал, что абсолютный монарх должен «государство свое благопризирать». Если он этого не делал, то «сие было неответствовательное дело, по которому гнев Божий неотложно следует. И хотя Бог иногда непотребнаго обладателя за штраф государству терпит, однако ж такого за лозу почитать надобно, понеже напоследок чрез огнь сотлитца» [НИОР БАН. П I Б № 88 (17.15.9). Л. 19, 20–20 об.]. Это было едва ли не единственным политико-богословским суждением Трейера, при этом показательно адресованным опять же монарху, а не народу.

В отличие от «Истязания», в «Правде» данный вопрос был рассмотрен, так как в ней абсолютная монархия учреждалась договором, пос-

ле которого *народ* не исчезал. В этом отношении Феофан Прокопович вновь оказывался близок не к Трейеру, а к Гроцию, писавшему, что «даже если народ подчинен самой неограниченной власти, он остается тем же, что и прежде, когда он был самостоятелен» [Гроций, с. 314].

В «Правде» моделировалась ситуация, где народ выбрал монархом «мужа добраго, который бы с *великою отечества пользою* царствовати могл», ставшего затем *злым*. По «Правде» народ не может его отстранить, так как он ему отдал волю, котором «могл бы сие творити; понеже воли своей и власти лишился»:

> Но хотя бы и хотел упрямо отменити волю свою народ (что было бы великое непостоянство, и никогда бы так Монархиа наследная быть не могла), но не может отменити воли Божией, которая и волю народную двинула.

Получалось, что главным препятствием оказывалась воля Божия, то есть богословское понятие, в то время как секулярный тезис о *непостоянстве* оказывался вспомогательным, помещенным в скобки. Соответственно, Феофан Прокопович далее заявлял с отсылкой к Святому Духу, а точнее, к словам апостола Петра (1 Петр 2 : 18): «Должен терпети народ коелибо Монарха своего нестроение и злонравие: якоже и Дух Святый повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися» [Правда, с. 31–32].

Народу по «Правде» воля возвращалась в ситуации, когда монарх умер без родственников и без определения наследника. Но и в этом случае было ограничение, если монарх «определение оставил бы, из которой фамилии, или из котораго чина людей избириать или не избирать Монарха новаго». Это была воля монарха, и ее народу следовало исполнять, «понеже воле Монаршей вечно себя повинул; И тако, донележе может воля Монаршия быти являема, дотоль оную исполняти народ должен» [Там же, с. 35–36].

Трейер писал о границах власти абсолютного монарха: «Воля ево регламент и уложенье ево подданным есть». В то же время не следовало думать, что

> …государь в таком абсолютном государстве никакого регула, кроме своей воли и плезира, не имеет. Воля ево убо есть регула государства, а натуральная правда и польза государства регулы суть воли его; и сии суть границы, в которых обладатель себя содержать обязан; в своем государстве он уставы по своему изволению уставлять может… однако ж ему осматривать надлежит, что б уставы натуральной правде и пользе государства не были противными.

Именно абсолютный монарх должен следить, «чтоб государство, которым он по общим уложеньям республики к пользе подданных державствовать должен был, от небрежения ево не разорилось». Раз так, то

…абсолютной монарх вольности не имеет… такого наследника учредить, которой чрез свою злонравную непотребность конечно государство в непорядок и крайную притчину произвести, а пользу оного остерегати… не может [НИОР БАН. П I Б № 88 (17.15.9). Л. 18–20].

В «Правде» было написано о правах монарха в *наследуемой монархии*:

Может Монарх Государь законно повелевати народу, не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится: только бы народу не вредно, и воли Божией не противно было. <…> Сюды надлежат всякие обряды гражданские, и церковные, перемены обычаев, употребления платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениах, и прочая.

О *долженстве* (обязанностях) в «Правде» отмечалось: «Всякая бо… власть верховная едину уставления вину конечную имеет, *всенародную пользу*», – что вытекало из договора о создании монархии. После этого сразу же утверждалось, что «сие толко ведати народ должен, что Государь его должен о его пользе общей пещися, но в делах попечения своего, не народу, но единому Богу стоит или падает, и того единаго суду подлежит». Раз так, то делался вывод, что «сие же Царей долженство не токмо свободных творить их в определении наследников своих, но и одолжает усмотревати таковаго наследника, которой бы ползы народной не разрушил». Соответственно, монарх должен назначать наследником не старшего сына, а лучшего, и даже «инаго от крови своей, или и от вне дому, и фамилии своей». Итак, складывались взаимные обязанности правителя и народа: монархи «паче же и званием своим к определению добрых наследников одолжаеми, и как народ определение без роптания и прекословия принимати долженствует». В то же время «Правдой» допускалось, что монарх мог умереть, не обозначив, кому из сыновей следует отдать престол. В этом случае *народу* следует выяснить, кого из сыновей больше любил монарх, отдать престол ему «и не смотрети, добрый ли есть, или злый сын любимый, должне был смотрети сие родитель его Государь. А народ, не смотря на то, должен имети за наследника, восписуя наследие его самой воле Божией, и яко крест и наказание от Бога приемля без роптания», даже если он будет *злонравен*. Если же не было известно, кто был любимым сыном, то «должен народ, храня чин естественный, имети за Государя себе сына государева первороднаго, или старейшаго; и не смотрети, каков ни есть он» [Правда, с. 35–37].

Итак, Трейер писал, что *воля* правителя в абсолютном государстве регулируется не его *плезиром*, а *естественным правом* и *пользой государства*. В «Правде» речь велась прежде всего о *всенародной пользе* (*пользе отечества*), а вместо *естественного права* и *государ-*

ства в итоге фигурировали *Бог* и *народ*. Трейер упоминал *пользу подданных* в *абсолютной монархии*. Тем не менее, он не писал про *народ* в *абсолютной монархии* из-за того, что тот при ее появлении был лишен субъектности. У Феофана Прокоповича *народ* сохранял свою субъектность, пусть она и оказывалась ограниченной *волей Бога*, распорядителем которой оказывался монарх. Соответственно, если у Трейера монарх *не имел вольности* назначить плохого наследника, то по «Правде» это оказывалось возможным. Таким образом, в «Правде» обосновывалась суперабсолютистская монархия, но для этого понадобилось привлечь богословские аргументы о необходимости послушания любой власти.

Отметим и разницу между «полезно» (Трейер) и «не вредно» (Феофан Прокопович). Последнее предполагало опять же б*о*льшую власть и б*о*льшую свободу в действиях. Внедрение европейского платья могло не иметь *пользы*, но оно не было вредно для народа. Раз оно *нравилось* монарху, его и можно было вводить принудительно.

Что до рассуждений о долге монарха назначить наследника, который бы правил во имя *пользы*, то здесь у Трейера и у «Правды» был общий источник – манифест Петра I от 3 февраля 1718 г., по которому он не мог «по совести своей» оставить наследником престола Алексея, «ведая, что он… славу народа нашего и ползу государственную утратит» [Воскресенский, с. 168]. Сам Польской отмечает, что Трейер рассматривал в «Истязании» «вопрос, решение которого было чрезвычайно близко русскому царю, хотя он не мог знать о беседе царя с датским послом Вестфаленом в 1715 году, но фактически воспроизвел аргументы Петра» [Польской, с. 427]! Петр же говорил, что монарху следует заботиться о выборе наследника, даже «если он должен будет выбрать одного из своих подданных». Петр считал правильным решение правителя, который, «дабы спасти и сохранить свое государство, которое ему должно быть дороже всей крови в жилах, решится изменить престолонаследие по крови» [Бушкович, с. 353–354].

Таким образом, в случае отсутствия прямого и однозначно доказываемого цитирования (а таких цитат из «Истязания» в «Правде» нет, в отличие, например, от трактата Гроция), не следует заниматься подбором внешне схожих высказываний, равно как и делать излишне смелые выводы из факта, что и Трейер, и Феофан Прокопович могли использовать схожие слова. Необходимо производить целостное концептуальное сравнение с учетом как наличия общих источников, так и общих мест и понятий в политической мысли этого времени. При этом в ходе сравнения следует обращать внимание на концептуальные расхождения, а не пытаться их как-то сгладить. Да, в рамках понятия общего блага и Трейер, и Феофан Прокопович рассуждали о *пользе*. Однако при анализе нюансов его использования выявляется различие, а не сходство. Схожим образом факт наличия в переводе Трейером слова

«величество», которым было переведено немецкое «Majestät», не дает основания утверждать, как это делает Польской, что именно под влиянием этого Феофан Прокопович взял используемое в «Правде» слово «величество» [Польской, с. 424]. Однако в «Правде» для «величества» дополнительно приводятся как происходящие из латинского языка слова «*маестат*, или *маестет*» [Правда, с. 21], в то время как в переводе трактата Трейера такого транслитерированного слова нет. При этом тема «De majestate» была достаточно популярна у писавших на латыни юристов второй половины XVII – начала XVIII в., включая И. Боклера, чья книга была в библиотеке Феофана Прокоповича. Итак, в рамках комплексного сравнения с учетом интеллектуального контекста времени утверждение Польского, что «в основу “Правды воли монаршей” легла система доказательств, предложенная Трейером» [Польской, с. 419], следует признать необоснованным.

С. В. Польской пришел к выводу, что «утопическая вера в силу разума, присущая европейскому рационализму эпохи барокко, выступает очень явно в тексте “Правды”. Не случайно ее автор всегда начинает с секулярных рациональных доказательств, оставляя библейские цитаты на потом» [Польской, с. 435]. Здесь историк снова попытался выдать желаемое за действительное. Раздел 14 «Правды», посвященный *должности царей*, начинался с отсылки к «Первому учению отрокам», то есть с катехизиса Феофана Прокоповича 1720 г. Далее был помещен набор библейских цитат. Только после этого шел раздел 15, где заявлялось, что «туюжде и волность, и должность Царей увидим», если обратимся к *наследуемой монархии*, история возникновения которой излагалась с опорой на естественное право [Правда, с. 25–28]. Однако и в этом разделе содержалась апелляция к Священному Писанию, и секулярные аргументы в итоге оказывались подчинены богословской аргументации, доказывающей необходимость покорности воле Божией со стороны как монарха, так и народа. В этой части «Правда» с ее ссылками на хорошо известные в Древней Руси фрагменты о власти из посланий апостолов Петра и Павла (1 Петр 2 : 18; Рим. 13 : 1) оказывалась близка скорее к сочинениям Ивана IV Грозного, а не к трактатам европейских юристов. Соответственно, «Правду воли монаршей» необходимо продолжать рассматривать как сочинение именно переходного периода политической мысли, где еще одновременно присутствовали как богословские, так и секулярные рассуждения о политике, и при этом богословию в аргументации принадлежало именно первенствующее место. Благодаря этому Феофану Прокоповичу удалось сконструировать концепцию суперабсолютистской монархии, которая затем не получила дальнейшего развития, не нашла своих последователей, так как будущее оказалось за секулярной аргументацией.

Библиографические ссылки

Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / авт.-сост. И. Н. Лебедева. СПб. : БАН, 2003. 431 с.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 542 с.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : [в 3 т.] М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. Т. 1. 602 с.

Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. 868 с.

Гурвич Г. Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ея западноевропейские источники. Юрьев : К. Маттисен, 1915. 112 с.

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1 / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 484 с.

Кузнецова Е. Истязание по натуральной правде // Корпус русских переводов общественно-политических сочинений XVIII века : [сайт]. URL: https://krp.mws-osteuropa.org/ru/translations/istyazanie-po-naturalnoi-pravde (дата обращения: 08.07.2024).

Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1889. Т. 5. 1067 с.

Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. 402 с.

НИОР БАН. П I Б № 88 (17.15.9).

Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII в. Киев : Наукова думка, 1978. 298 с.

Письма Феофана Прокоповича // Труды Киевской духовной академии. 1865. Февр. С. 287–310.

Польской С. В. «Истязание по натуральной правде» : Легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 409–483.

Правда воли монаршей. М. : Моск. тип., 1722. 59 с.

Sashalmi E. Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725. Boston : Acad. Studies Press, 2022. 507 p.

References

Adrianova-Peretts, V. P. (Ed.). (1956). *Istoricheskii ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk* [History and Description of the Collections of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences]. Iss. 1. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 484 p.

Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 542 p.

Grotius, G. (1994). *O prave voiny i mira* [On Law of War and Peace]. Moscow, Ladomir. 868 p.

Gurvich, G. D. (1915). *"Pravda voli monarshei" Feofana Prokopovicha i eya zapadnoevropeiskie istochniki* [*The Justice of the Monarch's Will* by Feofan Prokopovich and Its Western-European Sources]. Yur'ev, K. Mattisen. 112 p.

Kuznetsova, E. (N. d.). Istyazanie po natural'noi pravde [An Inquiry according to the Law of Nature]. In *Korpus russkikh perevodov obshchestvenno-politicheskikh sochinenii XVIII veka* [website]. URL: https://krp.mws-osteuropa.org/ru/translations/istyazanie-po-naturalnoi-pravde (accessed: 08.07.2024).

Lebedeva, I. N. (Ed). (2003). *Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig* [Library of Peter I. Description of Handwritten Books]. St Petersburg, Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk. 431 p.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk v 10 t. [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences. 10 Vols.]. (1889). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 5. 1067 p.

Morozov, P. O. (1880). *Feofan Prokopovich kak pisatel'* [Feofan Prokopovich as a Writer]. St Petersburg, Tipogrfiya V. S. Balasheva. 402 p.

Nichik, V. M. (1978). *Iz istorii otechestvennoi filosofii kontsa XVII – nachala XVIII v.* [From the History of Russian Philosophy of the Late 17th – Early 18th Centuries]. Kiev, Naukova dumka. 298 p.

NIOR BAN [Research Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences]. P I B No. 88 (17.15.9).

Pis'ma Feofana Prokopovicha [Letters by Feofan Prokopovich]. (1865). In *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii.* February, pp. 287–310.

Polskoi, S. V. (2018). "Istyazanie po natural'noi pravde": Legitimatsiya nasiliya i stanovlenie ratsional'nogo politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka [*An Inquiry according to Law of Nature*: The Legitimation of Violence and Emergence of Rational Political Language in 18th-Century Russia]. In Atnashev, T., Velizhev, M. (Eds.). *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 409–484.

Pravda voli monarshei [The Justice of the Monarch's Will]. (1722). Moscow, Moskovskaya tipografiya. 59 p.

Sashalmi, E. (2022). *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725*. Boston, Acad. Studies Press. 507 p.

Voskresensky, N. A. (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra I v 3 t.* [Legislative Acts of Peter I. 3 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 602 p.

The article was submitted on 06.03.2024